

Ли Чжи, испытывая тревогу, продолжал листать телефон. Развлекательных приложений у него было мало, и, пролистав всё до дна, он не нашёл ничего интересного. В конце концов вернулся в WeChat и увидел, что под его постом появилось несколько комментариев.

Старшая сестра по лаборатории: Хахахаха, сочувствую! Я завтра вернусь.

Старший брат по лаборатории: Хахахаха, сочувствую! Я послезавтра вернусь.

Однорупник: Хахахаха, сочувствую! Я вернусь к началу семестра.

Стройными рядами, без намёка на мораль, человечность или профессиональный дух научного работника, готового посвятить жизнь исследованиям.

Линь Чаошэн тоже оставил комментарий: Ты сейчас в университете? [Затыкает уши]

Ли Чжи проигнорировал остальных и ответил только ему: Да, вчера вернулся. [Затыкает уши]

Он выключил телефон, решив собраться с мыслями, почитать немного литературы и уйти.

Через несколько минут Линь Чаошэн написал ему. Он не спросил, почему Ли Чжи вернулся раньше, а просто поинтересовался: Позже будешь свободен?

Следом добавил: Где-то около восьми.

Сейчас было без двадцати восемь. Ли Чжи взглянул на ряд только что открытых документов на рабочем столе, решительно закрыл их и ответил: Буду.

Линь Чаошэн прислал голосовое сообщение. Ли Чжи нажал на него. «Сейчас собираюсь в университет. Если без пробок, минут через двадцать буду», — прозвучал чистый, приятный голос, несравненно лучше той музыки за окном.

«Встретимся у восточных ворот», — добавил Линь Чаошэн.

Восточные ворота были ближе всего к лаборатории, пешком меньше десяти минут. Ли Чжи убил немного времени.

Подойдя к воротам, он почувствовал влажный, прохладный ветер, принёсший несколько пожелтевших листьев. До начала семестра оставалось два дня, на территории университета было пустынно. На дороге почти никого, кругом тишина, лишь изредка проносились машины.

Издали подъехал чёрный автомобиль и плавно остановился рядом. Дверь открылась, и Линь Чаошэн вышел из-за руля, держа в руке пакет. Он нёс его за ручку, другой рукой осторожно поддерживая снизу, и направился к Ли Чжи.

Линь Чаошэн протянул ему пакет:

— Это тебе.

— Что это?

— Торт.

— Спасибо за тот ужин, — Линь Чаошэн сделал небольшую паузу, — и за гранат.

Ли Чжи достал из пакета коробку. Сквозь прозрачную плёнку был виден шарик размером с ладонь. С первого взгляда можно было принять за какой-то декоративный предмет — куда изящнее того кекса, что он видел дома.

Поверхность торта была гладкой и глянцевой, как зеркало, переливаясь ярким светом. Снаружи — слой шоколадной глазури, с чередующимися полосами тёмно-коричневого и белого, а посередине — сахарное кольцо, словно пояс планеты. Маленький торт-планета.

— Зачем ты это купил? Не нужно было...

— Я сам сделал.

Ли Чжи с искренним удивлением посмотрел на него:

— Правда? Это так здорово.

— Да ничего особенного, — Линь Чаошэн пожал плечами, слегка смущённо улыбнувшись. — Мама записалась на курсы выпечки, я в эти дни её с занятий забирал. Она увидела, что я без дела, и втянула меня за компанию.

— Звучит интересно, — Ли Чжи снова взглянул на торт-планету в коробке, и чем дольше смотрел, тем сильнее ощущал что-то знакомое. — Это же Юпитер?

— Да. Хотел покрасить поярче, вышло бы красивее, но, когда делал, подумал о Юпитере и решил, что тебе понравится именно такой.

Я не то чтобы так уж любил Юпитер... — мелькнуло у Ли Чжи, но маленькая планета в руках ему и вправду нравилась. — Да, он и так очень красивый.

— Главное, что нравится, — улыбнулся Линь Чаошэн. — Его жутко сложно было из формы вынимать, несколько раз пробовал, пока получилось.

Ли Чжи почувствовал себя ещё более польщённым и поспешил поблагодарить, а потом спросил:

— А оболочка из чего? Кажется твёрдой.

— Белый шоколад. Цвет — пищевой краситель.

— Это же ножом не разрежешь?

Линь Чаошэн тихо рассмеялся:

— Конечно, нет. Сначала оболочку надо разбить маленьким молоточком. Он в пакете.

Ли Чжи снова заглянул в пакет и, помимо ножа с вилкой, обнаружил тот самый молоточек.

— Я ещё кое-что научился делать, за эти дни несколько рецептов освоил. Если захочешь какой-то торт — скажи, попробую сделать, — добавил Линь Чаошэн.

Ли Чжи смотрел на серьёзное лицо Линь Чаошэня, и в груди распирало странное, тёплое чувство. Будто он просто мечтал о печенье, никому не говоря, а Линь Чаошэн словно прочёл его мысли — не только привёз целую тележку печенья, но и предложил на выбор ещё кучу всяких вкусностей.

— Кстати, вечером ещё дела есть? — спросил Линь Чаошэн.

Ли Чжи машинально ответил:

— Нет. — Но его слова заглушил проносившийся мимо автомобиль.

Линь Чаошэн всё равно услышал:

— Покатаемся, хорошо?

Ли Чжи сел на пассажирское сиденье, прижав пакет к себе. Он не спросил, куда они поедут. Рядом с Линь Чаошэном он чувствовал себя спокойно, и этого было достаточно.

Линь Чаошэн вёл машину уверенно. Ли Чжи помнил, что тому всего восемнадцать, но на новичка он совсем не походил. Машина выехала на эстакаду, открывая вид на ночной город. Пёстрая мозаика огней слепила глаза, Ли Чжи мельком взглянул и отвернулся.

Сначала он смотрел прямо перед собой, потом взгляд сам собой пополз в сторону, к профилю Линь Чаошэня. Тени от света подчёркивали резкие, чёткие линии. Черты были от природы острыми, таким обычно кажешься неприступным, но, вероятно, из-за характера в них чувствовалась особая, лёгкая гармония.

Ли Чжи с первой встречи считал, что внешность Линь Чаошэня безупречна, да и обаяние особенное — не то что у тех университетских парней, что пытаются выделиться лишь одеждой.

Линь Чаошэн заметил его взгляд и на мгновение повернулся:

— Что? Укачало?

Ли Чжи очнулся, осознав, как долго глазел, и почувствовал, как лицо заливают жаром. — Нет, нет.

Линь Чаошэн не стал придавать значения и, не отрываясь от дороги, сказал:

— Чуть позже, возможно, встретим моего друга.

— Хорошо, — кивнул Ли Чжи.

Съехав с эстакады, они проехали ещё немного, сбросили скорость и заехали на наземную парковку. Вышли из машины, и Ли Чжи последовал за Линь Чаошэном в ближайший переулок. Он здесь никогда не бывал. Покружив по закоулкам, они наконец вышли к входу в бар.

Бар назывался «В ожидании Берлина». Снаружи выглядел ничем не примечательным.

Ли Чжи тихо прочитал название: «В ожидании Берлина?» — и вспомнил «В ожидании Годо».

— Берлин — имя мужское, — пояснил Линь Чаошэн. — Так друг сказал.

— Мой друг здесь выступает, сегодня ещё одна группа играет, будет весело, вот и привёл тебя.

Линь Чаошэн взглянул на телефон:

— Как раз скоро её выход.

Они вошли внутрь.

Ли Чжи увидел на сцене друга Линь Чаошэня. Оказалось, это девушка. Внутри было темно, и разглядеть её как следует не получалось. Высокая, наверное, метр семь с лишним. Неужели выше меня? — мысленно прикинул Ли Чжи, решив, что, наверное, всё же на каблуках.

— Цзи Хань! Цзи Хань! — выкрикивали ей несколько человек в зале.

Ли Чжи ещё гадал, как пишется её имя, когда Линь Чаошэн наклонился к его уху:

— Цзи, как «сезон», Хань, как «холод».

Цзи Хань. Родилась в первый день Нового года, в сильный снегопад. Старше Линь Чаошэня на полгода. Её мама и Цзян Чжиюнь — подруги, обе визажисты. Фотостудия, которой управляет Цзян Чжиюнь, — их совместное дело.

Заиграло вступление, и с первых же нот Цзи Хань Ли Чжи удивился. У неё был очень характерный голос — хриплый, низкий, притягивающий внимание.

Он послушал немного и понял, что песню эту раньше не слышал.

— Это её собственная, — вовремя пояснил Линь Чаошэн.

— О, впечатляет.

Но, дослушав до конца, Ли Чжи едва не испустил дух. Ощущения были неопишуемые. Просто песня явно не входила в круг его эстетических предпочтений, он её не воспринял. Зато все вокруг были в полном восторге. Линь Чаошэн, впрочем, исключением не был — он спокойно и бесстрастно наблюдал за сценой.

Ли Чжи даже пару раз подпрыгнул, когда весь зал ликовал. Ему захотелось аплодировать выдержке Линь Чаошэня.

Цзи Хань завела вторую песню. На этот раз всё было привычнее — популярная композиция, которую Ли Чжи знал. И атмосфера в зале поутихла.

<http://bllate.org/book/15953/1426563>